

ლევან მიქელაძის სახელობის ფონდი
THE LEVAN MIKELADZE FOUNDATION

Вызовы грузино-осетинских взаимоотношений на фоне войны в Украине

2024

Содержание

Предисловие

Арчил Гегешидзе, Зарина Санакоева3

Влияние итогов российско-украинской войны на Грузию

Георгий Шаишмелашвили4

Влияние ускорения евроинтеграционных процессов Грузии на ее имидж в Южной Осетии

Зарина Санакоева..... 11

Цифровые мосты вместо стен – для мирного сосуществования грузинской и осетинской молодежи

Нино Чибчиури..... 15

Южная Осетия: Угрозы, связанные с итогами карабахского и украинского конфликтов

Марат Гугкаев.....23

Политические и социальные медианарративы по обе стороны грузино-осетинского конфликта

Бадри Белкания27

Влияние динамики войны в Украине на восприятие в Южной Осетии фактора Грузии

Вероника Цховребова34

Влияние нынешней войны в Украине на грузино-осетинские взаимоотношения

Елене Миндиашвили37

Предисловие

Перед вами сборник очерков, авторами которых являются представители грузинского и югоосетинского гражданских обществ. Идея сборника возникла в результате поиска путей наведения мостов между некогда дружественными народами, имеющими многовековую историю взаимоотношений. Учитывая продолжающееся взаимоотноуждение обществ и крайне неблагоприятный общий геополитический контекст, само появление подобной идеи могло казаться безумием. Однако, здравый смысл и понимание необходимости укрепления доверия ради мирного будущего возобладали и побудили авторов к сотрудничеству.

Грузинские и югоосетинские группы экспертов работали независимо друг от друга, но с достаточной степенью координации, чтобы в итоге разные очерки оказались собраны под одной обложкой. В начале, эти две команды экспертов попытались выбрать темы, способные, по мнению авторов конкретной группы, оказать наиболее конструктивное содействие экспертным кругам и более широким аудиториям по обе стороны разделительной линии; каждый из авторов работал независимо. Очерки выражают индивидуальные соображения автора по конкретному поводу или предмету. Наша роль, как координаторов, была ограничена, и ни в коей мере не распространялась на содержание очерков. Тем более что после завершения работы над черновыми вариантами, авторы встретились в Стамбуле, и прошедшая там дискуссия обогатила их тексты.

Читатель сразу заметит, что авторы грузинской и югоосетинской групп договорились о своем несогласии по поводу терминологии и географических названий. Между тем, ради укрепления доверия, авторы решили по возможности уйти от официальной лексики конфликтующих сторон и взамен использовать менее конфронтационный язык без ущерба для собственных убеждений и отношения к конфликту.

Данный сборник, однако, не ставит целью стандартизацию терминологии или топонимики. Его целью, скорее, является посредством обмена взглядами на разные темы хоть как-то заполнить информационную брешь, созданную годами взаимоотноуждения.

Мы надеемся, что читатель найдет в каждом очерке что-то интересное; даже ознакомление с аргументами, с которыми он захочет поспорить, в конечном итоге поможет ему лучше понять, что лежит в их основе. Без этого понимания невозможно построить уважительные взаимоотношения.

Арчил Гегешидзе
Зарина Санакоева

Влияние итогов российско-украинской войны на Грузию: возможные сценарии будущего

Введение

Слова бывшего министра обороны США Дональда Рамсфелда касательно «*известных неизвестных*» и «*неизвестных неизвестных*» для специалистов по безопасности стали культовой цитатой, выражающей сложность предсказания будущего. Тот же Рамсфелд в своей автобиографической книге «Правила Рамсфелда» отмечает, что правительства всех стран ежегодно тратят миллиарды долларов за избежание стратегических сюрпризов, однако заранее определить «неизвестные неизвестные» невозможно¹. После завершения «холодной войны» обсуждение будущего с точки зрения безопасности никогда, наверное, не было столь актуальным, как после развертывания Россией полномасштабной агрессии против Украины. Тектонические сдвиги в регионе, выражающиеся в российском реваншизме и попытках разрушения структуры европейской безопасности, резко ухудшают состояние безопасности в Грузии. Страна, не имеющая надежных гарантий безопасности, с неразрешенными конфликтами, выбирает политику стратегической неоднозначности², продолжая, с одной стороны, интеграцию с западными институтами³, а с другой – углубляя торгово-экономические связи с Россией⁴ в ожидании исхода российско-украинской войны.

Целью данного эссе является оценка потенциального влияния итогов российско-украинской войны на безопасность Грузии, а именно – в контексте вопроса урегулирования конфликтов. При анализе итогов войны в Украине использован метод⁵ разработки сценариев (scenario planning),

¹ О неспособности предотвратить стратегические сюрпризы и ошибки в разведке см., например: Jones, Milo, and Philippe Silberzahn. *Constructing Cassandra: reframing intelligence failure at the CIA, 1947–2001*. Stanford University Press, 2013

² См. например: David Aprasidze and Giorgi Gvalia, “National Interest and Regime Survival: Why Georgia Is Cautious Towards the Russia-Ukraine War”, CACI Analyst, accessed February 28, 2024, <https://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/13716-national-interest-and-regime-survival-why-georgia-is-cautious-towards-the-russia-ukraine-war.html>.

³ Georgia Granted EU Candidate Status,” Civil Georgia (blog), December 14, 2023, <https://civil.ge/archives/574502>.

⁴ Emil Avdaliani, “Playing With Fire: Georgia’s Cautious Rapprochement With Russia,” Carnegie Endowment for International Peace, accessed February 28, 2024, <https://carnegieendowment.org/politika/90246>.

⁵ Понятно, что в данном случае процесс имеет ряд ограничений, поскольку, как правило, разработка сценариев является коллективным процессом с участием профессионалов из разных областей.

впервые использованный в пятидесятых годах прошлого века «Рэнд Корпорейшн» для смягчения последствий принципиально неопределенного будущего. Целью метода разработки сценариев является не предсказание будущего, а разработка и описание возможных вариантов будущего, что, в свою очередь, возможно путем выявления критических факторов (современных тенденций), анализа степени интенсивности возможной реализации этих факторов и их различных сочетаний⁶. Следует отметить, что, исходя из целей данного эссе, в тексте представлены лишь сценарии окончания войны, затрагивающие проблему разрешения конфликтов в Грузии и отвечающие на следующие исследовательские вопросы: Насколько ослабнет/укрепится Россия как государство после войны? Насколько ослабнет/укрепится ее влияние на Абхазию/Южную Осетию? Насколько увеличится/уменьшится агрессивное отношение России к Грузии после войны?

Критические факторы для разработки сценариев

Исход любой войны, включая войну в Украине, зависит от множества различных, но взаимосвязанных факторов. Согласно максиме Карла фон Клаузевица, «война – это продолжение политики другими средствами»⁷, и завершение любой войны, как правило, происходит опять-таки в политическом измерении. Результаты боевых действий – лишь одна часть уравнения, поскольку современный мир знает немало примеров, когда участвующая в войне сторона, не проиграв ни одного значительного сражения, проиграла, тем не менее, войну⁸. С конца 2023 года война в Украине превратилась в так называемую борьбу на истощение⁹, в которой действия менеджера конкретной военной индустрии играют не меньшую роль, чем действия вооруженного солдата на поле боя. С учетом этого, предположительные сценарии будущего после завершения войны определяют различные комбинации следующих факторов¹⁰:

- степень консолидации и вовлеченности Запада в поддержку Украины;
- экономическая ситуация как на Западе, так и в России;
- эффективность российской и западной военной промышленности;

⁶ Goodspeed, Robert. Scenario planning: Embracing uncertainty to make better decisions. Lincoln Institute of Land Policy, 2019.

⁷ Callum, Robert. "War as a continuation of policy by other means: Clausewitzian theory in the Persian Gulf war." Defense Analysis 17, no. 1 (2001): 59-72.

⁸ Nolan, Cathal J. The allure of battle: A history of how wars have been won and lost. Oxford University Press, 2017.

⁹ Gady, Franz-Stefan, and Michael Kofman. "Making Attrition Work: A Viable Theory of Victory for Ukraine." Survival 66, no. 1 (2024): 7-24.

¹⁰ Я, разумеется, осознаю, что на результаты войны могут повлиять и другие факторы, лежащие за пределами моего воображения (imagination failure), или события так называемого типа «черного лебедя», о существовании которых люди не подозревают. Концепция «Черного лебедя» как феномена неожиданности принадлежит американскому писателю ливанского происхождения Нассиму Николасу Талебу.

- военно-политическая обстановка на других театрах военных действий (Азиатско-Тихоокеанский регион, Ближний Восток);
- стойкость общества и политической системы Украины;
- жизнеспособность российской политической системы;
- военные и экономические мобилизационные ресурсы участвующих в войне сторон;
- обучение и оснащение вооруженных сил вовлеченных в войну сторон.

Сценарий 1: Резко проукраинский

Запад мобилизует внутренние ресурсы и воплощает лозунг «столько, сколько потребуется» в конкретные действия. Крепкая трансатлантическая солидарность и осознание того, что победа России на европейском театре военных действий приведет к непоправимым последствиям на других театрах, приведет к снятию всех ограничений на военную поддержку Украины. И Соединенные Штаты Америки, и каждая из стран Европейского Союза на полную мощь задействуют потенциал своей военной промышленности. В результате Украина достигает значительного технологического превосходства по всем измерениям войны, что сказывается на успешности военной кампании и приводит к восстановлению границ по состоянию на 1991 год. На фоне неудачной военной кампании и экономического гнета военных расходов в России растет недовольство режимом Путина, что в конечном итоге завершается его демонтажем. Россия входит в типичную для ее исторического опыта очередную фазу «либерализации»¹¹.

Влияние сценария. Для осмысления подобного хода развития событий может оказаться полезной аналогия с исторической ситуацией после Первой мировой войны и распадом Советского Союза. Однако, в отличие от ситуации 1920-х и 1990-х годов прошлого века, крайне важно, чтобы официальный Тбилиси извлек уроки из прошлого и не допустил новой эскалации конфликта. Помимо моральных соображений, это неоправданно и с прагматической точки зрения, поскольку может помешать стране воспользоваться открывшейся возможностью интеграции в евроатлантическом пространстве. Кроме того, обострение конфликта предоставит России повод возвращения в регион. Важно также отметить, что, в отличие от ситуации после распада Советского Союза, мотивация Запада в плане быстрой интеграции Грузии в европейские институты окажется гораздо сильнее. В отличие от 1990-х годов, тяжелые уроки прошлого, степень подготовленности государственных институтов и интерес Запада станут теми факторами, которые должны предоставить Грузии и ее сепаратистским регионам возможность трансформации конфликта и дальнейшего полномасштабного урегулирования. Для этого будет важно предоставить осетинскому и абхазскому народам международные гарантии безопасности, что приобретет особую актуальность на фоне вывода из региона российских военных баз.

¹¹ Figes, Orlando. *The Crimean War: A History*. Metropolitan Books, 2011.

Сценарий 2: Умеренно проукраинский

Совместные усилия Украины и Запада для достижения победы над Россией на поле боя окажутся недостаточными для демонтажа режима Путина. Правда, Украина получает надежные гарантии безопасности и деокупирует Восточную Украину, однако она не начинает наступление для освобождения Крыма из-за опасений ядерной эскалации. Россия превращается, по словам американского историка Стивена Коткина, «в Северную Корею с большим ядерным арсеналом»¹². Путину удастся консолидировать население, используя так называемую «осадную» психологию, в то время как Запад переходит к долгосрочной стратегии сдерживания¹³. Мир входит в эпоху «холодной войны 2.0» — необъявленной войны между осями авторитарных государств, включая Китай, Россию, Иран, Северную Корею, и коллективным Западом.

Влияние сценария. Реализация данного сценария может иметь для Грузии два радикально различных вариантов влияния: а) Грузия выходит из сферы эксклюзивного влияния России, а Россия аннексирует Абхазию и Южную Осетию; б) Россия аннексирует как Грузию, так и Абхазию и Южную Осетию. Развитие первого подсценария существенно зависит от проницательности и действий Запада, а также от внешнеполитического позиционирования Грузии. Однако здесь возникает объективная преграда, поскольку резкое движение Грузии в направлении Запада может, возможно, подтолкнуть Россию ко второму подсценарию, т.е. привести к полной аннексии Грузии. На этом фоне весьма вероятно, что Грузия сохранит стратегию неопределенности политики, и ее судьба будет зависеть от решительных действий Запада, направленных на обеспечение безопасности страны еще до того, как Россия, оправившись от поражения, попытается утвердить свое влияние в Грузии. В случае реализации первого подсценария Грузия и ее сепаратистские регионы окажутся частью двух противостоящих миров, что еще более усугубит отчуждение между ними. В целом данная ситуация характеризуется правилами так называемой игры с нулевой суммой, поэтому маловероятно, что, Россия, например, использует иной подход к Абхазии и Южной Осетии, аннексировав лишь одну из них. Данная тенденция наблюдается уже сегодня, когда политика, построенная на специфике ранее действующих национальных проектов, приводит Россию к универсализации¹⁴.

¹² “Prigozhin’s Rebellion, Putin’s Fate, and Russia’s Future,” *Foreign Affairs*, June 24, 2023, <https://www.foreignaffairs.com/ukraine/prigozhin-rebellion-putin-fate-russia-future-stephen-kotkin>

¹³ Kissinger, Henry. "Reflections on Containment." *Foreign Aff.* 73 (1994): 113.

¹⁴ Lela Kunchulia and Tony Wesolowsky, “Pro-Kremlin Leader In Breakaway Abkhazia Pushes ‘Foreign Agents’ Bill To Silence Critics,” *Radio Free Europe/Radio Liberty*, 16:35:07Z, sec. Georgia, <https://www.rferl.org/a/georgia-abkhazia-foreign-agents-bill-bzhania-russia/32821249.html>.

Сценарий 3. Умеренно пророссийский

Дисфункциональность политических процессов на Западе не позволяет обеспечить своевременную и адекватную помощь Украине, что приводит к росту оперативных проблем на поле боя, что, в свою очередь, трансформируется в замедление поддержки войны как со стороны Запада, так и в самой Украине. С другой стороны, Путин, сумевший быстро перестроить российскую экономику в военных целях¹⁵, располагает неограниченными ресурсами живой силы, значительным преимуществом в количестве артиллерийских снарядов и технике, определенным превосходством в воздухе. Россия успешно адаптируется к новым экономическим условиям, механизмы уклонения от санкций становятся все более надежными, а западные рынки нефти и газа постепенно заменяются на восточные. На этом фоне Украина стоит перед дилеммой: либо согласиться на предложенную (навязанную) Западом формулу мира и гарантии безопасности, либо продолжить борьбу за счет потери западной помощи. Украина выбирает западные гарантии безопасности, а Путин представляет своему населению присоединенные к России после февраля 2022 года территории как триумф. Атмосфера новой холодной войны сохраняется, хотя и с меньшей остротой.

Влияние сценария. В случае реализации этого сценария Россия получает не только захваченные территории Восточной Украины, но и Грузию и, следовательно, значительное влияние на Южном Кавказе. Грузия оказывается в серой зоне российского доминирования, сохранив формальную независимость, однако Россия обладает правом вето на ее внешнюю политику и политику безопасности. Ситуация будет примерно такой, как в первой половине правления Шеварднадзе. Поскольку частью этого сценария будут крупные сделки за счет малых государств, как это было в XIX веке, не исключено, что при посредничестве Москвы подобная сделка состоится и между Тбилиси и его сепаратистскими регионами. Здесь, наверное, следует подробнее разъяснить, почему по сценарию 2 Россия, невзирая на неудачу, аннексирует либо часть территории Грузии, либо всю ее территорию полностью, а по сценарию 3, практически подразумевающего победу России, Грузия сохраняет свою формальную независимость и, возможно, даже восстанавливает свою территориальную целостность. Подобную возможность создает международный контекст. Внешнеполитическая обстановка в условиях завершившейся переговорами и сделками войны, несмотря на сохранение общей конфликтной атмосферы, становится менее враждебной. В то же время политическая элита Грузии осознает, что, несмотря на ее суверенный выбор, границы большой сделки на этот раз были очерчены западнее ее. В ответ на это Грузия переходит от политики стратегической неоднозначности к политике компромисса. Предположительно на фоне ожидаемого разочарования значительная часть населения и гражданского общества с пониманием отнесется к резкому повороту внешнеполитического вектора. Что касается России, то ей понадобится создание подобной

¹⁵ Pavel Luzin Prokopenko Alexandra, "Russia's 2024 Budget Shows It's Planning for a Long War in Ukraine," Carnegie Endowment for International Peace, accessed February 28, 2024, <https://carnegieendowment.org/politika/90753>.

мнимой атмосферы сотрудничества для того, чтобы продемонстрировать Западу, что она с ответственностью следует правилам сделки; при этом прагматические аргументы, связанные с геостратегическим положением Грузии, не только останутся в силе, но и еще более усиливаются. В создавшихся условиях роль Грузии в качестве одного из ворот срединного коридора с соответствующей инфраструктурой приобретает для российской экономики жизненно важное значение. Вполне вероятно, что по этому сценарию Россия параллельно с уже существующими военными базами в Абхазии и Южной Осетии увеличит свое военно-морское присутствие и в других регионах Грузии – прежде всего в Аджарии. Хрупкое единство, созданное под господством России, не отвечает интересам грузинского, осетинского и абхазского народов и станет тяжким бременем для государственности Грузии. Моделью объединения может стать либо образование союзного типа, аналогичное российско-белорусскому, в котором маловероятно, что Цхинвали и Сухуми получают такой же статус, как Тбилиси, либо формально независимое образование в виде грузино-осетино-абхазской конфедерации.

Сценарий 4. Резко пророссийский

К дисфункциональным политическим процессам в Америке добавляется новая волна изоляционизма, что вызывает конфликты как с европейскими партнерами, так и собственным сообществом безопасности. Американские альянсы слабеют как в Европе, так и в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Ось авторитарных государств координированно ослабляет и без того ослабленный Запад. Соединенным Штатам Америки приходится брать на себя определенную военную ответственность на Ближнем Востоке, что еще больше усиливает изоляционистские тенденции. Из-за резких действий Китая и без того дезориентированная Америка вынуждена сосредоточить свои ресурсы в Азии, а европейские государства неспособны обеспечить свою стратегическую автономию, не говоря уже об эффективной помощи Украине. На этом фоне Россия добивается успеха не только в Украине, но и проводит успешную гибридную кампанию в странах Балтии, а также на Балканском полуострове. Соответственно, ресурсы НАТО направляются на обеспечение безопасности государств-членов. Россия достигает значительной части своих заявленных стратегических целей в Украине.

Влияние сценария: В случае реальной победы у России отсутствует мотивация по сохранению существующего статус-кво в отношении Грузии и ее сепаратистских регионов. Стало быть, вероятность того, что победившая Россия сохранит хотя бы формальную независимость Грузии, довольно мала, а риск аннексии Абхазии и Южной Осетии очень высок. В отношениях с победившей Россией как Тбилиси, так и Сухуми и Цхинвали переходят на вассальные отношения. Формальную независимость как Грузии, так и Абхазии и Южной Осетии может спасти объединение типа союзного государства, в котором Грузия и ее сепаратистские регионы объединятся с Беларуссией, хотя и вероятность этого достаточно мала, поскольку Россия может усмотреть в этом чрезмерную уступку.

Заключение

Военная агрессия России в Украине и сопутствующие геополитические изменения резко усугубили ситуацию безопасности Грузии. На этом фоне власти Грузии в ожидании окончания войны на Украине проводят, по их словам, осторожную/прагматичную внешнюю политику. Представленные в данном эссе возможные сценарии завершения войны в Украине, разработанные с использованием методологии разработки сценариев, показывают, что предпосылки для осуществления Грузией своих национальных интересов возможны лишь в случае реализации одного конкретного сценария – демонтажа режима Путина. Однако даже в этом случае реализация этих целей в значительной степени будет зависеть от избранной Тбилиси политики в направлении разрешения конфликтов, которая должна основываться на критическом осмыслении прошлых ошибок. Реализация всех остальных сценариев поставит Грузию и ее конфликтные регионы перед серьезными внутренними и внешнеполитическими угрозами, включая как аннексию Цхинвальского региона и Абхазии, так и оккупацию всей Грузии.

Аналитиков по сфере безопасности часто обвиняют, причем не без оснований, в панических настроениях. Надеемся, что описанные выше сценарии развернутся в радикально позитивном направлении, и на сей раз прилетевший «черный лебедь» возвестит об установлении справедливого мира.

Влияние ускорения евроинтеграционных процессов Грузии на ее имидж в Южной Осетии

Стремление Грузии в Европу для среднестатистического жителя Южной Осетии не новость. Однако, новостью стало то, что Грузия связывает с этим большие надежды. Они заключаются в том, что в случае вхождения Грузии в Евросоюз Южная Осетия и Абхазия непременно захотят стать частью Грузии и получить возможность пользоваться всеми благами, которые даст членство в Евросоюзе.

Путем «кабинетного исследования» в сочетании с рядом интервью с экспертами и рядовыми жителями Южной Осетии, я постараюсь ответить на вопрос: Как может измениться отношение к Грузии в Южной Осетии в случае ее успеха на пути в Евросоюз? Допустим, что успех — значит не только непосредственно членство в организации, но и повышения уровня жизни до уровня, приближенному к европейским стандартам. Кроме того, повышение уровня жизни должно стать результатом уже исполнения пакета условий Евросоюза, которые Грузия обязана выполнить.

Следует отметить, что все в Южной Осетии, кто комментировал предоставление Грузии статуса кандидата, вне зависимости от того, политик это или рядовой гражданин, рассматривают этот вопрос с точки зрения безопасности. В комментарии «Эхо Кавказа» вскоре после предоставления Грузии статуса кандидата, депутат парламента Южной Осетии Давид Санакоев подчеркнул важность достижения максимальной безопасности: «У нас главная проблема – это безопасность. И главная задача – договориться с Грузией о нормальном добрососедском сосуществовании в качестве независимых государств-соседей. Мы никому не желаем зла. Мы лишь хотим, чтобы признали сам факт нашего существования и наше право на самоопределение. Увы, как мы видим по Женевским дискуссиям, Грузия отказывается подписывать соглашение о неприменении силы. В Южной Осетии это воспринимают как готовность Тбилиси решить югоосетинский вопрос военным путем, если представится такая возможность. Судя по всему, эта позиция Тбилиси в ближайшей перспективе пересматриваться не будет. В этой ситуации наш главный и единственный актив по сдерживанию грузинской агрессии – это Россия. Станет ли Европа дополнительным фактором сдерживания и умиротворения Тбилиси? Я не знаю, но хотелось бы надеяться. Мне кажется, единственный очевидный позитив в этой истории – мы медленно, но, верно, расходимся. Грузия уходит в Европу, а мы остаемся с Россией. Пожелаем друг другу счастливого пути».

Один из моих собеседников-экспертов, пожелавший остаться неназванным, отмечает, что фактор безопасности как был, так и остаётся решающим, когда речь заходит о взаимоотношениях с Грузией: «Даже если Грузия добьется каких-то серьезных экономических успехов и уровня,

приближенного к европейскому, даже в таком случае соображения национальной безопасности никуда не денутся. А соображения национальной безопасности всегда довлеют над экономическими соображениями. Это историческая практика. Тем более, мы наблюдаем, что со стороны Грузии нет никакого переосмысления всех прошедших лет, нет никакого осознания, что были совершены чудовищные преступления. Мы наблюдаем, что идея реваншизма со стороны Грузии никуда не исчезла».

Он же отмечает еще один аспект предоставления Грузии статуса кандидата. Это резкая активизация западных и международных фондов на направлении Южной Осетии. От Грузии требуют более активной работы с населением республики в рамках, например, программы «Шаг в лучшее будущее». Активизация уже происходит, другое дело, что это не несет какого бы то ни было практического смысла. Единственное, в чем Грузия может отчитаться, это по линии здравоохранения, отмечает он. Подготовиться к противодействию «мягкой силе» предложили и другие комментаторы. Эксперт Алан Джусоев в комментарии «Sputnik-Южная Осетия» предположил, что Грузия и ЕС будут проводить консолидированную политику в отношении Южной Осетии и Абхазии, используя в обеих республиках так называемую "мягкую силу".

"Будут открываться программы по линии здравоохранения, образования и т.д. Евросоюз будет просто расширять сетку вот этих программ по так называемой "реинтеграции", будут предлагать нам различные бонусы и возможности. Поэтому мы должны быть к этому готовы".

Последствия таких опасений, несомненно, скоро на деле почувствуют представители гражданского общества как в Южной Осетии, так и в Абхазии. Грузия ставит на контакты исключительно в сфере гражданского диалога, но не на прямых контактах с официальными представителями двух республик. В свою очередь, власти в Южной Осетии и Абхазии предпринимают все меры, чтобы такие контакты вне рамок «track one» свести к минимуму.

Одновременно с этим у населения Южной Осетии сформировано и продолжает укрепляться достаточно неблагоприятное восприятие Европы и Запада вообще. Причина этого, прежде всего, позиция западных стран в конфликте «Грузия-Южная Осетия». Кроме того, за последние годы различными международными структурами были приняты решения, которые только усиливают недоверие к ним у жителей Южной Осетии. В 2023 году была принята 16-я по счету резолюция ООН по беженцам в Грузии. Грузинскую резолюцию поддерживает, как правило большинство членов ООН, в ней говорится о правах беженцев из Абхазии и Южной Осетии. В Южной Осетии, в свою очередь, вспоминают о десятках тысяч осетин, которые стали беженцами из Грузии и переселились, в основном, в Северную Осетию. В ряду таких новостей и решение ЕСПЧ признать неприемлемыми иски жителей Южной Осетии против Грузии. Кроме того, много вопросов даже у незаинтересованных сторон вызвало решение Международного Уголовного Суда о выдаче ордера на арест троих жителей Южной Осетии за преступления, якобы совершенные в августе 2008 года. Это Михаил Миндзаев, который занимал в 2008 году пост Министра внутренних дел, сотрудник МВД Гамлет Гучмазов и бывший уполномоченный по правам человека Давид

Санакоев. Следует отметить, что с грузинской стороны за все годы после войны никто не привлёкся к ответственности за события 2008 года. Такие решения наносят чувствительный удар и по диалоговому процессу между гражданскими активистами Грузии и Южной Осетии, так как донорами выступают, как правило, международные организации. Следовательно, участие в мероприятиях проектов, финансируемых «предвзятыми» западными структурами, порицается.

При всем этом понятно, что такие решения результат как активной работы Грузии, так и политики Запада в отношении России. Большинство решений, которые упомянуты выше, приняты после февраля 2022 года, начала войны в Украине, и их можно рассматривать как меры против России, а не против конкретно Южной Осетии или поддержкой Грузии. Это же касается и предоставления Грузии статуса кандидата на вступление в ЕС. Вступление Грузии в ЕС, как и предоставление статуса кандидата, больше будет зависеть от геополитической ситуации. Ясно, что Грузия, как и Украина и Молдавия, не соответствовала предъявляемым требованиям. Это открыто заявлялось высокопоставленными деятелями в ЕС, что на фоне расширения БРИКС, на фоне усиления позиции Китая, и т.д., Евросоюзу, чтобы как-то выровнять ситуацию, надо было срочно продемонстрировать стремление к развитию. Показать, что Европейский союз не претерпевает стагнацию, что он развивается, не уступает свои позиции. Именно поэтому было принято решение предоставить статус кандидата Украине, Молдавии и Грузии.

Не исключено что решение о вхождении в Евросоюз будет приниматься в таких же реалиях. Обычным путем вхождения Грузии в Евросоюз маловероятно, к тому же, надо учесть, что не все члены ЕС будут готовы подписаться под этим решением. Поэтому, очень трудно прогнозировать. Очень много в этих вопросах будет зависеть от итогов войны в Украине.

Но многие наблюдатели видят в предоставлении Грузии статуса кандидата и благоприятные для Южной Осетии перспективы. Некоторые эксперты напоминают о требованиях, которые предъявляются странам-кандидатам. Блогер Алик Пухати говорит, что какие-то внутренние перемены в Грузии затрагивают, прежде всего, ту часть осетин, которые проживают в Грузии и составляют одно из многих ее этнических меньшинств. Поэтому и рассматривать статус кандидата Грузии на вступление в Евросоюз он предлагает с этой точки зрения. Ведь существует целый комплекс критериев, которым должно соответствовать государство-кандидат для принятия в Евросоюз. Среди требований, предъявляемых к кандидату, есть и защита, и поощрение прав человека и основных свобод как ключевой цели государства, в том числе защиты прав национальных меньшинств. «И здесь, мне кажется, это в интересах наименьшинств Грузии, в том числе осетин, например, проживавших в Трусовском и Гудском ущельях, откуда их выселяли. Надеюсь, их голос теперь будет звучать громче, у них будет больше инструментов отстаивать свои интересы, сохранять свою идентичность», - считает Пухати.

Мои собеседники отмечали, что для Южной Осетии, конечно, было бы предпочтительнее, если бы Грузия занимала однозначно прозападную позицию. Это бы сужало коридор возможностей для нее в направлении Южной Осетии. Но в Грузии сейчас достаточно гибкие и достаточно

рационально мыслящие власти, которые будут использовать тот коридор возможностей, который у них открывается. Нынешняя политика Грузинской Мечты заключается в лавировании между различными центрами силы. Статус кандидата потребует больше «определенности».

Такие требования Европы на руку Южной Осетии. Они исключают сближение Грузии и России, чего здесь немало опасаются. Многие югоосетинские эксперты считают, что Южная Осетия все же может быть «сдана» Грузии в обмен на отказ последней от активной Евроинтеграции. На мой взгляд, причина таких настроений не только в историческом опыте начала 90-х годов, но и во властях Южной Осетии, которые вне зависимости от личностей демонстрируют мало самостоятельности и разнообразия во внешней политике. На примере идеи вхождения в состав Российской Федерации, которую эксплуатирует большинство политических сил в Южной Осетии, видна банальная нехватка идей в сфере внешней политики. В такой политике югоосетинских властей есть и желание не заниматься взаимоотношениями с Грузией, а отдать это право России. В этом смысле европейская интеграция Грузии крайне выгодна властям Южной Осетии. В случае безоговорочного «ухода» Грузии в сторону Европы и сохранения нынешней напряженности между Россией и западными странами, между Южной Осетией и Грузией будет уже не граница между враждующими странами, а на его месте фактически пройдет разлом намного более глубокий. Это уже разлом между мировыми полюсами, между Западом и Россией. В таком случае и от Грузии, и от Южной Осетии будет зависеть уже меньше.

Ссылки использованных источников:

1. <https://www.ekhokavkaza.com/a/32732602.html>
2. <https://www.icc-cpi.int/court-record/icc-01/15-34-red>
3. <https://news.un.org/ru/story/2021/06/1404842>
4. <http://www.ru.saqinform.ge/news/58111/generalinaA-assambleA-oon-prinAla-rezolUciU-o-statuse-vinuZdenno-peremeSenniK-lic-iz-abKazii-i-cKivaliskogo-regiona.html>
5. <https://www.ekhokavkaza.com/amp/31768271.html>
6. <https://www.ekhokavkaza.com/a/32733518.html>
7. <https://sputnik-ossetia.ru/20231220/chto-znachit-status-gruzii-kak-kandidata-v-es-dlya-yuzhnoy-osetii-i-abkhazii-27355896.html>

Цифровые мосты вместо стен – для мирного сосуществования грузинской и осетинской молодежи

Введение

Возможности искусственного интеллекта актуализируются с каждым днем. Он уже активно используется для разрешения различных вызовов и нерешенных проблем современного мира. По [прогнозам](#) экспертов, искусственный интеллект всего за несколько лет приведет к трансформации или даже исчезновению многих профессий. Сегодня уже заявлено, причем не предположительно, что существующие технологии позволят решить многие значительные вопросы на основе новых подходов и решений. Исключением не являются и конфликты, мирное урегулирование которых возможно именно с использованием искусственного интеллекта.

Но до конкретного обсуждения данной темы важно осмыслить суть искусственного интеллекта:

Развитие искусственного интеллекта, в полном смысле этого, слова насчитывает тысячелетия, однако его роль в жизни людей никогда не была столь тотальной и всеобъемлющей. В нынешних современных решениях в этом направлении активно используются философские подходы Аристотеля и Сократа, поскольку искусственный интеллект подразумевает не только технические возможности, но и, прежде всего, быстрое умственное осмысление.

Однако американский ученый Джон Маккарти, впервые [использовавший](#) этот термин в 1955 году, толковал «искусственный интеллект» как программу или компьютер, который подобно человеку может размышлять и принимать логические решения. Именно с этого периода начался активный этап развития новой отрасли, имеющей огромный потенциал для развития человечества.

Развитие современных технологий будет способствовать и разрешению конфликтов, и их использование позволит заложить основы мирного сосуществования.

Замороженные конфликты омрачают и осложняют отношения между грузинами и осетинами (особенно нового поколения). На этом фоне стремительно развиваются современные цифровые технологии, открывающие новое окно возможностей для молодежи. А цифровые инструменты, включая искусственный интеллект, способствуют возведению «мостов» вместо «стен», пусть изначально хрупких/осторожных, но пульсирующих, с потенциалом более мирного будущего.

В результате войны 2008 года молодежь Тбилиси и Цхинвали унаследовала враждебность и недоверие к друг другу, хотя на протяжении уже более 15-и лет их пути редко пересекались. Невзирая на то, что мы живем в развивающемся мире, вследствие политических проблем использование традиционных подходов к построению мира часто затруднено, что более всего ущемляет будущее нового поколения.

Именно этим и обусловлена необходимость использования искусственного интеллекта и современных технологий, предлагающих инновационные способы налаживания связи между грузинской и осетинской молодежью, в обход политических тупиков.

Создание какого рода ресурсов возможно для налаживания связи и формирования доверия между грузинской и осетинской молодежью, причем с непременным учетом их общих интересов; какие виртуальные программы могут способствовать их сближению и обмену/осуществлению совместных идей? – В эпоху современных технологий это и есть те главные вопросы, на которые должны ответить специалисты по мирным инициативам, разработав соответствующий план действий с учетом существующих вызовов и возможностей.

Дистанционные связи после 2008 года

После 2008 года именно использование компьютерных программ стало толчком попыток воссоздания исторического сосуществования и связей двух обществ, разделенных военными действиями. А в период пандемии дистанционные отношения приняли массовую форму, в ходе которых обмен методами лечения коронавируса происходил в онлайн режиме. Эти отношения продолжаются и сегодня, причем не только в медицинском направлении. Для подтверждения связей разделенного военными действиями населения (включая семьи, родственников или близких) можно привести следующие факты:

- Во время вспышки коронавируса одноклассники из Цхинвали через одну из интернет-платформ связались с живущей в Тбилиси Мариной Мешвилдишвили с просьбой помочь в лечении членов семьи в грузинских клиниках.
- Могилу молодого человека из села Тамарашени, погибшего в результате несчастного случая незадолго до начала войны 2008 года, обустроили его близкие из Цхинвали. Семья скорбящего, успевшая лишь похоронить его, сообщила осетинским родственникам точное местонахождение могилы и попросила о помощи именно через интернет-программу.
- Сестры Чулухадзе, живущие в Гори и Цхинвали, познакомили своих детей и поделились с ними довоенными историями своего детства через Интернет. С тех пор общение между двоюродными сестрами не прекращается, однако, исходя из сложившейся ситуации, опять-таки дистанционно.

Это неполный список примеров связей, продолжающихся и после военных действий, невзирая на политическую ситуацию. А это означает, что технологии создали новые возможности и в направлении строительства мира, причем это – необратимый процесс.

Инструменты искусственного интеллекта для налаживания связей

Для поддержки межкультурного диалога, разрушения стереотипов и коммуникации с использованием инструментов искусственного интеллекта можно создать безопасные онлайн-пространства для налаживания общения между грузинской и осетинской молодежью. Подобные

инструменты уже используются социальными сетями. В качестве примера ниже приведен их неполный список:

- [Synthesia](#). Платформа, которая с помощью новых технологий создает реалистичный видеоконтент, воспроизводя его голосами искусственного интеллекта.
- Алгоритмы, прогнозирующие предпочтения пользователей и рекомендуящие соответствующий контент; например, [Netflix](#) или [Spotify](#).
- Инструменты типа [Adobe Sensei](#), работающие на основе искусственного интеллекта и предлагающие рекомендации для редактирования изображений или графического дизайна.
- Инструмент по обнаружению такого потенциально вредного контента, как язык ненависти или дезинформация (например, [Facebook AI](#)).
- [Чат-боты](#) и виртуальные помощники (например, [Replika](#)), использующие искусственный интеллект для персонализированного общения и доступа к информации.
- Инструменты, анализирующие поведение пользователей для выявления предпочтений того или иного сегмента.
- [The Washington Post](#) использует инструменты для персонализации новостей и выявления потенциальной дезинформации.
- [X](#) (ранее Twitter) использует инструмент для обнаружения спама и предоставления соответствующих рекомендаций пользователям.

Создание симуляции существующих в реальном мире ситуаций возможно и с помощью [платформы](#) «Виртуальной реальности» (VR), помогающей понять видения других людей. Например, VR-платформа «Враг», позволяющая пользователю идентифицировать себя с палестинскими и израильскими солдатами, наглядно [показывает](#), как растет сочувствие и понимание между этими двумя группами людей.

[Возможности](#) искусственного интеллекта порождают безграничные идеи его возможного использования. Например, представьте:

- объединённых в виртуальном мире грузинских и осетинских подростков, совместно создающих стратегию дружбы, выходящую за пределы физических границ. Подобный обмен опытом позволит искоренить предубеждения и стереотипы, развить [эмпатию](#), и тем самым заложить основы для взаимодействия в реальном мире.
- виртуальную [программу](#) по обмену, оснащённую инструментами языкового перевода с помощью искусственного интеллекта, которая позволит студентам из Тбилиси и Цхинвали участвовать в онлайн-уроках, совместных проектах и открытых дискуссиях. Это приведет к взаимопониманию и уважению, что в конечном итоге будет способствовать налаживанию

общения, взаимопониманию между грузинами и осетинами и преодолению географических и политических барьеров.

- Чат-боты, предназначенные для поддержки взаимодействия и вовлеченности, могут растопить «лед» и стимулировать участие, а также способствовать вовлечению и укреплению связей – основываясь на интересах конкретных лиц, персонализируя их опыт и предлагая совместные занятия.
- Онлайн-музей с искусственным интеллектом, отражающий богатую историю и традиции как грузин, так и осетин. Это предоставит молодым людям возможность изучать в интернет-пространстве традиционную музыку, искусство, включая искусство повествования, отмечать общие культурные праздники, осознав значимость культурного многообразия.
- Создание совместного онлайн-мемориала (виртуального мемориала, посвященного жертвам конфликта), что подчеркнет общую боль и потери обоих обществ.

В настоящее время использование соответствующих [инструментов](#) для реализации подобных инициатив требует определенных знаний и умений. Стало быть, упомянутые примеры не следует рассматривать лишь на уровне идей, поскольку на фоне развития технологий и с использованием искусственного интеллекта их внедрение в практику вполне возможно. В эпоху цифровых технологий можно анализировать огромные архивы музыки, искусства и литературы обеих культур.

Работающие на базе искусственного интеллекта чат-боты могут действовать в качестве виртуальных гидов, рассказывая истории, отвечая на вопросы и вовлекая пользователей во взаимодействие. Вовлечение пользователей возможно и путем [VR/AR-виртуальной реконструкции](#) исторических мест, использования традиционных постановок и художественного творчества.

Искусственный интеллект поможет пользователям и перепроверять информацию, выявлять противоречивые нарративы и анализировать их на основе фактов из истории конфликта. Для большей ясности обсудим эти возможности более детально.

Например, с помощью VR-симуляций миротворчества и игровых онлайн-платформ молодежь может присоединиться к интерактивным миротворческим учениям. Эти симуляции позволяют изучить различные сценарии разрешения конфликта и способствовать осмыслению последствий насилия и пр. Важно, чтобы в разработку, внедрение и управление этими цифровыми платформами и проектами были включены молодые люди обеих сторон, с условием предварительного улучшения соответствующих навыков.

Алгоритмы могут [отфильтровывать](#) искаженную, неточную и ложную информацию, что устранит возможные подозрения в предвзятости вовлеченных сторон.

Искусственный интеллект обеспечит отслеживание эмоций пользователей и корректировку сценариев, способствуя тем самым развитию сопереживания и улучшению взаимопонимания.

Возможно, что на данный момент искусственному интеллекту затруднительно управлять эмоциями напрямую, но с помощью существующих платформ, игр, симуляций или чат-ботов он поможет наладить отношения, воспринимать и делиться человеческими историями, определять роль пользователя в конкретных процессах и развивать его навыки для изменения в лучшую сторону.

При реализации новых миротворческих подходов искусственный интеллект может анализировать большие объемы данных, обнаруживая ранние [предупреждающие](#) признаки напряженности и предлагая участвующим сторонам предотвращающие меры. Это также обеспечивает вовлечение молодежи и маргинализированных сегментов в инклюзивные мирные процессы. Подобные возможности в современном мире уже применяются:

[Инициатива ООН «Глобальный пульс»](#) – анализирует данные социальных сетей для выявления потенциальных рисков конфликтов.

[PeaceTech Accelerator](#) - поддерживает разработку инструментов искусственного интеллекта для предотвращения конфликтов.

[Acled Data](#) - генерирует данные конфликтных событий, что используется для анализа и предварительного предупреждения.

Роль искусственного интеллекта в мирных переговорах

Рассмотренные выше возможности подтверждают, что искусственный интеллект имеет огромный потенциал и способен различными путями выполнить значительную роль в разрешении конфликтов и развитии мирных инициатив. Искусственный интеллект, прежде всего, следует использовать для восстановления доверия и поддержки мирных переговоров. С этой точки зрения можно отметить его несколько потенциальных [функций](#), а именно:

Нейтральный посредник: системы на базе искусственного интеллекта смогут анализировать предложения, выявлять скрытые предвзятости и предлагать сторонам свободные от эмоциональной привязки компромиссы, способствуя тем самым справедливости и объективности переговоров.

Выявление общих интересов: на основе анализа больших объемов данных и выявления общих интересов конфликтующих сторон искусственный интеллект поможет сторонам конфликта найти общий язык.

Оценка урегулирования: моделирование различных сценариев и прогнозирование потенциальных результатов соглашений позволит сторонам более эффективно оценивать свои действия.

Мнения, ориентированные на данные, и анализ тенденций: анализ исторических данных и [выявление](#) закономерностей конфликтов поможет спрогнозировать потенциальное обострение ситуации и принять превентивные меры.

Оценка рисков: искусственный интеллект на основе анализа данных и социальной медиа оценивает риск эскалации в режиме реального времени, обеспечивая тем самым формирование видений, значимых с точки зрения стратегий смягчения конфликта.

Мониторинг миротворческих усилий: анализируя данные миротворческих операций на местах, искусственный интеллект определит области успеха, с выделением областей, нуждающихся в улучшении.

Определяя роль искусственного интеллекта, важно учитывать несколько важных обстоятельств:

Искусственный интеллект – инструмент, а не решение. На данный момент он еще не в состоянии заменить человека с его способностью сострадания, понимания, умения сформировать доверие, что столь необходимо для долговременного мира. На этом этапе заинтересованные стороны/группы должны воспринимать его как вспомогательный инструмент наряду с человеческим опытом и вовлеченностью общества.

В конечном итоге решения по разрешению конфликтов должны приниматься людьми, несущими ответственность за свои действия. Искусственный интеллект следует использовать для информирования, а не замены людей. В целом искусственный интеллект обладает потенциалом стать мощным инструментом поддержки миротворческих усилий, облегчения коммуникации за счет предоставления ценной информации и выявления потенциальных рисков.

Заключение

Разрешение конфликтов остается трудным и деликатным делом, требующим человеческого сострадания и мирных переговоров. Однако в этой сложной ситуации появляется фактор искусственного интеллекта в качестве потенциального инструмента поддержки миростроительства. Искусственный интеллект нельзя рассматривать как гарантию решения этой проблемы, но он предоставляет ценные возможности, способные улучшить существующие миротворческие подходы и содействовать более эффективной практике разрешения конфликтов.

На основе имеющихся данных (например, передвижение войск, дискурс в социальных сетях, экономические колебания и пр.) искусственный интеллект сможет оценивать риск эскалации в режиме реального времени, что обеспечивает формирование видений, значимых с точки зрения стратегий поддержания мира и смягчения конфликтов.

Что касается возможности вовлечения молодежи в этот процесс, это потребует анализа их нужд и приоритетов, однако с учетом нескольких обстоятельств:

- В случае реализации подобных инициатив следует четко разъяснить роль участия в создании реальных позитивных изменений и содействии построению безопасного, инклюзивного мира. Информация о компонентах искусственного интеллекта должна быть предоставлена в ясной, понятной форме, с пояснением его возможностей в плане укрепления доверия и развития позитивного взаимодействия.

- Важно выделить проблемы и вызовы реального мира, с которыми сталкивается молодежь.
- Молодежь должна быть включена в разработку соответствующих платформ, их характеристик и содержания, соответствующих и отвечающих их нуждам.
- Для укрепления доверия необходимо учитывать настрой в плане конфиденциальности данных и онлайн-безопасности.

Все это может быть достигнуто путем разработки соответствующих программ, причем не только на государственном уровне, но и усилиями любого квалифицированного лица, но на основе тщательного анализа потенциальных рисков и успехов.

Очевидно, что эти новые возможности сопряжены с рядом серьезных вызовов, что может помешать их использованию для мирных процессов, поэтому крайне важно применять надежные инструменты и развивать цифровую грамотность для обеспечения безопасной и инклюзивной онлайн-среды.

Доступ к технологиям в конфликтных зонах зачастую неравномерен, что потенциально может усугублять существующее неравенство и маргинализировать определенные группы. Более того, полагаясь исключительно на технологии в целях миростроительства, мы рискуем упустить из виду важность прямого диалога и политического примирения.

Здесь же следует учитывать, что искусственный интеллект, разработанный человеком по определенному плану, помимо выполнения конкретных заданий и задач, на основе оцифрованной информации и собственных данных самостоятельно и стремительно [развивается](#) (например, если несколько лет назад этот процесс занимал около 20 лет, то сейчас возможен за 2 часа). Именно в этом специалисты усматривают главный вызов и возможные угрозы в будущем, часто проводя аналогию с «проблемой Мидаса» из греческой мифологии (царь Мидас попросил богов превратить в золото все, к чему он прикасался, но не учел, что это желание касалось и членов его семьи, и еды).

Стало быть, следуя рекомендациям специалистов, необходимо учесть все потенциальные риски, главным из которых является сохранение человеком рычагов управления. В условиях самообучающегося и саморазвивающегося искусственного интеллекта это представляет собой необходимый фактор предотвращения потенциальной эскалации и неподконтрольности ситуации.

Все эти аргументы и контраргументы подчеркивают сложную взаимосвязь между конфликтом, технологиями и миростроительством. Хотя современные технологии предлагают многообещающие инструменты для примирения, их эффективность зависит от [ответственного](#) использования этих возможностей, равного доступа (часто доступ к онлайн-платформам с помощью систем подавления ограничивается намеренно, искусственно, что можно устранить с использованием таких программ, как VPN), неизменной приверженности традиционным миротворческим усилиям.

В данном отношении использование искусственного интеллекта, в отличие от междисциплинарного сотрудничества различных отраслей (медиация, суд и пр.), сейчас делает первые шаги в направлении разрешения политических аспектов конфликтов, создавая беспрецедентную среду.

Во главе разработки и реализации подобных инициатив должны стоять сами молодые грузины и осетины, которые для создания различных платформ будут использовать именно соответствующие инструменты искусственного интеллекта. В этом процессе развития технологий ведущими должны стать их голоса, надежды и заботы, что в конечном итоге послужит на общее благо и стремление к мирному будущему.

Бережное и ответственное использование искусственного интеллекта и современных технологий дает обоснованную надежду на то, что молодые грузины и осетины с учетом упомянутых [ВЫЗОВОВ](#) сумеют возвести цифровые мосты взаимопонимания, позволяющие встать на путь мирного сосуществования. Для этого необходимо правильно выявить нужды и заменить стены мостами, причем не только в цифровом пространстве, но и сердцах и умах каждого участника.

Южная Осетия: Угрозы, связанные с итогами карабахского и украинского конфликтов

Думается, что в целом во всем мире не найти примера простых взаимоотношений между двумя какими бы то не было народами, живущими продолжительное время рядом, вне зависимости от степени родства этих этносов. Вековая борьба малого и большого народов за право на существование и властвования соответственно, приводит к нескончаемой напряжённости и тлению конфликта, который с пугающей цикличностью приводит к серьёзным всплескам насилия и боевым действиям. Нахождение двух народов в тисках какой бы то не было империи затормаживает процессы, но не останавливает их. Вырвавшись из гнета метрополии, недавние заключенные сами хотят стать надзирателями, недавние жертвы сами хотят стать мучителями. Желание части осетинского народа, проживающего на Южном Кавказе построить своё государство в лице частично признанной Южной Осетии, отвечает чаяниям осетинского народа, а также является единственной возможностью сохраниться, как этнос, ибо самым большим страхом любого малого народа является исчезновение ментально и растворение в части других народов.

Однако, на пути построения суверенного демократического государства стоят серьезные вызовы, которые могут привести к его ликвидации. Одним из вызовов является подвешенный международно-правовой статус Южной Осетии, чье будущее неоднозначно в свете нынешних событий. Частично признанное государственно-территориальное образование может быть отдано на откуп Грузии при ее отказе от евроатлантического курса и возвращение в «фарватер» России. Человек, который подписал указ о признании, демонстрирует готовность легко отказаться от этого, если Грузия придёт и покается. В своем телеграмм канале Дмитрий Медведев в августе 2022 года писал: «Грузия тянулась к России, потому что она понимала: та была ее единственным союзником в довольно враждебном окружении мусульманских государств. И сейчас повторяется та же история. Северная и Южная Осетии, Абхазия и оставшаяся территория Грузии могут быть объединены только в составе единого государства с Россией». Довольно вольная трактовка истории бывшего президента, но вопрос, кем именно собираются поступиться, риторический?

На данном этапе Россия дает Южной Осетии три фундаментальных столпа на которых она зиждется: статус, материальное обеспечение, безопасность. Эти же три столпа являются составными угрозы, которая исходит от Грузии. Прежде всего, это непризнание статуса. Речь идет не только и не столько о международно-правовом признании, сколько в целом о предоставлении права на существование такой политико-правовой единице, как Южная Осетия. Весь политический курс Грузии можно свести к следующему: в Грузии могут жить осетины, но в Грузии ни при каких обстоятельствах не может быть Осетии. Из Конституции Грузии следует, что территория бывшей Юго-Осетинской автономной области распределена между четырьмя соседними районами Грузии, а у осетинского языка нет статуса государственного, когда как положения о статусе Абхазской Автономной Республики и признание абхазского языка

государственным на ее территории закреплены. Данное положение дел возникло не вследствие того, что переговорный процесс между Грузией и Осетией по поводу создания единого федеративного государства в первые годы правления президента Саакашвили зашел в тупик. Так же и Абхазия отвергла все предложения грузинского руководства. Даже термин «оккупированная территория», широко используемый в законодательстве и общественном дискурсе является отчасти наследием этого непреодоленного прошлого. С точки зрения международного права есть общепризнанная территория Грузии, которая признается большинством государств-членов ООН и нахождение на суверенной территории войск третьих государств без согласия страны является нарушением этого права. Но это лишь часть вопроса. Под термином оккупированная территория скрыто завуалированное желание лишить противоположную сторону конфликта субъектности посредством утверждения о том, что конфликт есть только между Москвой и Тбилиси, и тем самым снимая с себя всю ответственность. Данная практика порождает в грузинском обществе миф о том, что абхазы и осетины хотят жить с грузинами вместе, и лишь Россия не дает трем народам осуществить их желание. Но на деле сами абхазы и осетины не видят своего будущего в Грузии.

Что касается экономической составляющей, закрытие Эргнетского рынка было связано отнюдь не с желанием Грузии перекрыть контрабандные потоки, ибо были и иные способы вернуть в правовое русло положительный пример межнационального взаимодействия. Цель была одна: задуть Южную Осетию экономически и склонить ее к подчинению. К сожалению, цель в какой-то степени была достигнута: Южная Осетия всецело стала зависеть от России, экономика деградировала и стала нерентабельна в условиях изоляции.

Третьим столпом является безопасность. Единственный в мире субъект, готовый к силовой ликвидации Южной Осетии – это Грузия, и единственная причина, по которой ей это пока не удалось осуществить – это Россия. Конфликты, разворачивающиеся за последние годы в мире, влияют и на Кавказский регион. Можно выделить два конфликта, которые являются определяющими: конфликт в Украине, конфликт вокруг Нагорного Карабаха.

В Южной Осетии по результатам войны 2008 года размещена российская 4-я гвардейская военная база. Значительной частью ее численного состава являются этнические осетины, граждане Южной Осетии. Данный факт обусловлен тем, что средние зарплаты военных на порядок выше, чем в Республике. Исполнение военного долга позволяло жить человеку лучше, чем среднестатистическому гражданину Южной Осетии. Все изменилось с момента перехода «конфликта» в Донбассе начавшегося в 2014 году в более активную фазу в 2022 году с увеличением театра боевых действий. Часть осетинской общественности полагает, что в случае неуспеха России в т.н. СВО Грузия попытается взять реванш за войну 2008 года и вновь решить межнациональный и территориальный конфликт силовым путем. Так же, довольно сильно преувеличена и мифологизирована роль Украины в войне 2008 года. Люди охотно объясняют участие осетин в конфликте в Украине тем, что она поставляла Грузии оружие, а ее граждане принимали участие в боевых действиях. По различным неофициальным подсчетам из Южной Осетии принимают участие в боевых действиях порядка 2000 человек. Если верить официальной переписи, проведенной в Южной Осетии в 2015 году, то в Республике проживает 53000 человек. То есть 4% населения принимает участие в т.н. «СВО». Это огромные людские ресурсы для столь

маленького общества. Потоки добровольцев не уменьшаются. Часть добровольцев едет на линию соприкосновения, мнимые зарплатами в 200 и более тысяч рублей, часть отправляется работать в различные частные охранные организации (ЧОП), охраняя социальные объекты на Донетчине и Луганщине. Денежное вознаграждение там скромнее, но этих денег все равно хватает для того, чтобы человек из полуннищего социального уровня поднялся на уровень относительного среднего класса. Восхождение на социальном лифте, потребовавшее бы в обычной жизни колоссального упорства посредством получения хорошего образования, усердного труда и длительного времени, происходит сегодня моментально без приложения каких бы то не было умственных и иных усилий.

Без крови пока, но куда более тревожным звонком для Южной Осетии является судьба Нагорного-Карабаха, который по указу его главы Самвела Шахрамания прекратил свое [существование](#) в сентябре 2023 года. В своем [интервью](#) StudioRe в апреле 2023 года журналистом Тенгизом Аблотия была озвучена мысль, что раз подавляющее большинство осетин в Южной Осетии имеет российское гражданство, либо родственников или недвижимость в России, то в случае установления Республикой Грузией контроля над территорией бывшей Юго-Осетинской автономной области сложившаяся межнациональная проблема решится сама собой путем миграции южных осетин в Северную Осетию. Вполне возможно, что для части грузинского общества кадры опустошенной армянской части Нагорного Карабаха, покинутых городов и селений является положительным примером решения конфликта.

Сегодня главными условиями Южной Осетии, когда она готова сесть за стол переговоров с грузинской стороной являются подписание документа о неприменении силы и признание независимости. Тем не менее, я считаю, что подписанный договор о неприменении силы не будет стоить бумаги, на которой он подписан. Нет гарантии, что стихший реваншизм во время правления Грузинской Мечты не поднимет голову впредь. Даже если представить, что соглашение для грузинского государства будет незыблемым, то это не отменяет того, что обязательства должны быть обоюдными. Может ли Южная Осетия ручаться, что ее территория не будет использована третьей стороной против Грузии или же получится, как после знаменитого [интервью](#) Лукашенко Гордону?

«Гордон: Вы сейчас можете повторить, что с территории Беларуси россияне к нам (в Украину) не придут?

Лукашенко: Ни-ког-да.

Гордон: Спасибо.

Лукашенко: Тем более с оружием. Я, Дмитрий, пограничник.»

Что может послужить переговорной базой для Южной Осетии? Республика готова обсуждать любые вопросы, кроме вопроса своего суверенитета, как равно и Грузия готова обсуждать все, кроме признания независимости Южной Осетии. Выходит, что сотни других тем открыты и приемлемы для обсуждения обеими сторонами. Деблокирование транспортных артерий, взаимодействие в сфере экономики, культуры и т.д., вкуче с имеющимся уже сотрудничеством в сфере медицины плодотворно скажутся на взаимоотношениях двух народов. Южной Осетии желательно отказаться от психологии осажденной крепости. Вопрос возвращения беженцев может послужить отправной точкой начала переговорного процесса. В результате конфликта начала 90-х из внутренних районов Грузии было изгнано более 60 000 тысяч этнических осетин.

В угоду Евросоюзу в декабре 2006 года парламент принял Закон «Об имущественной реституции и компенсации лицам, пострадавшим на территории Грузии в результате конфликта в бывшей Юго-Осетинской автономной области». Закон является номинальным, финансирование на его исполнение не закладывалось. На прежние места проживания вернулись единицы. После войны 2008 года 20 000 грузин из Южной Осетии стали беженцами. Каждый человек родившийся на территории Южной Осетии является гражданином Южной Осетии, вне зависимости от своей этнической или конфессиональной принадлежности. Все референдумы в Республике проходили без учёта мнения грузинского меньшинства. Нельзя признавать целые этнические группы преступными за противоправные действия отдельных их представителей. Возвращение осетин в Грузию, а грузин в Южную Осетию является важным фактором для начала конструктивного диалога. На период возвращения вынужденно перемещённых лиц потребуются установление переходного периода в 10-15 лет, по истечении которого необходимо будет провести новый референдум с учётом мнения грузинского меньшинства. Это приведёт к легитимации государства, которое до этого момента не учитывала мнение четверти своих граждан. Процесс реституции должен быть комплексным и сопровождаться параллельно сотрудничеством в области расследований военных и иных преступлений при посредничестве международных правозащитных организаций. Трагедии Зара, Ереда, Цинагара и т.д. не должны остаться безнаказанными и неосмысленными. При этом кровь одних не краснее других. Преступления против грузин имеют на весах Фемиды такой же вес.

В свете событий в Карабахе и в Украине, Южной Осетии важно осознать, что лучшие переговорные позиции у нее складываются сегодня, и данный переговорный процесс ей жизненно необходим, даже в большей степени, чем Грузии, ибо превосходство последней в военной, экономической, демографической и иных сферах тотальный. Цель – выторговать для себя такое положение, при которой вероятность войны сведена к минимуму. Для этого надо поступиться частью прошлого, чтобы выиграть в будущем. Не идя на уступки сегодня, есть риск потерять в разы больше завтра. Речь отнюдь не идет об отказе от идеи самостоятельного существования, речь идет о том, что только через диалог есть возможность сохраниться. Завтрашний день, всецело зависящий от России и настроений внутри Кремля не выглядит безоблачным, если маятник истории качнется в другую сторону.

Политические и социальные медиа-нарративы по обе стороны грузино-осетинского конфликта

Введение

В современную эпоху информационное измерение конфликтов приобретает особую значимость, что в основном обусловлено прогрессом в области информационных технологий и развитием СМИ.

Развитие СМИ, с одной стороны, имеет положительный эффект с точки зрения большей осведомленности сторон конфликта, хотя очевидны и его отрицательные последствия. Это, в первую очередь, приводит к распространению нарративов, еще более разжигающих противостояние между обществами, способствуя укреплению антагонизма и популяризации деструктивных, зачастую резко националистических, настроений в обществе.

Если в первом десятилетии текущего столетия в разработке и распространении нарративов ключевую роль играли так называемые «традиционные» СМИ – телевидение, газеты и другие централизованные средства, сегодня вслед за развитием социальных сетей – особенно Facebook, Instagram и, в последнее время, Telegram – акцент сместился в их сторону. А информационные платформы может создавать любое лицо. В этом плане особенно знаменательна специфика Telegram, функционально наиболее ориентированного на информационное вещание.

Материалы по грузино-осетинскому конфликту (статьи, посты и комментарии) доступны как в традиционных СМИ, так и в современных, включая веб-сайты и социальные сети. Хотя грузино-осетинские нарративы характеризуются схожими тенденциями относительно друг друга, между ними все же отмечается значительное различие. Различаются и нарративы в традиционной и современной медиа. В этом последнем случае используются, как правило, более жесткие и агрессивные оценки и терминология.

О работе

Основной задачей исследования является идентификация и анализ нарративов, представленных в грузинских и осетинских интернет-медиа. В процессе работы были изучены и проанализированы материалы популярных онлайн-изданий, активно освещающих тему конфликта (например, «Нетгазети», «Самокалако Сакартвелო» и др.). В Южной Осетии эти ресурсы более ограничены, хотя есть издания (например, Cominf.org), публикующие новости и аналитические статьи, связанные как с Грузией, так и грузино-осетинской тематикой.

Настоящая работа является экспертным исследованием, направленным на анализ материалов информационного пространства для выявления основных тенденций по данному значимому

аспекту грузино-осетинских отношений. Анализ этих тенденций позволит уловить и зафиксировать содержание основной проблемы, что и является основной целью статьи.

Нарративы грузинских интернет-СМИ о Южной Осетии

Несмотря на то, что Грузия на протяжении 30-и лет не сумела разрешить конфликты, данная проблема не является актуальным вопросом повседневной повестки дня государства. Обычно вопросы, связанные с Абхазией и Южной Осетией, актуализируются либо во время годовщин событий, связанных с войной, либо же когда в Абхазии и Южной Осетии происходят значимые политические события – например, выборы. В случае с Южной Осетией последней такой темой стали президентские выборы и, еще более, назначенный Анатолием Бибиловым референдум, который, с точки зрения Тбилиси, потенциально мог существенно [изменить](#) статус-кво Южной Осетии.

Тема конфликта, как правило, временно становится актуальной в грузинском новостном пространстве, когда вблизи линии раздела гибнут граждане Грузии, ярким примером чего стало [убийство](#) Тамаза Гинтури в селе Кирбали. [После](#) последних президентских выборов именно по этой теме Южная Осетия на определенный период времени стала предметом активного обсуждения в грузинском информационном пространстве. Однако, подобно другим вопросам, даже эта болезненная тема довольно скоро утратила свою актуальность. Она как бы слилась с внутривнутриполитическими, партийными разногласиями, в которых тема Тамаза Гинтури и других трагически погибших граждан Грузии используется оппозицией для критики правящей партии.

Нарративы грузинских интернет-СМИ о Южной Осетии прочно основаны на допущении, что в Цхинвали, в отличие от Абхазии, роль местных осетин в решении внутривнутриполитических, экономических, социальных вопросов, как и вопросов безопасности, минимальна или фактически отсутствует. Очень часто осетинский фактор в новостях о Южной Осетии вообще игнорируется и просто сводится к «оккупационному режиму», за которым стоит Кремль. Соответственно, когда со стороны Цхинвали фиксируются трагические случаи вроде убийства Тамаза Гинтури или задержания граждан Грузии на разделительной линии, интернет-СМИ практически не возлагают ответственность на местное осетинское население и политиков. В таких случаях, речь, даже терминологически, идет о [«российских оккупационных войсках»](#) и [«оккупационном режиме Цхинвали»](#), где внутренний осетинский фактор затмевается ролью России.

Осетинскому фактору уделяется незначительное внимание даже тогда, когда речь идет о процессах «бордеризации», являющихся для Тбилиси одним из важных измерений грузино-осетинского конфликта. Наглядный тому пример [опубликованная](#) «Нетгазети» в 2017 году большая аналитическая статья на тему «бордеризации», где слова «осетин, осетины, осетинский, Осетия» упоминаются лишь единожды, и то в контексте того, что «разделение грузинского и осетинского обществ является одной из целей российской оккупационной политики». В статье главным образом упоминаются российские военные, и процессы рассматриваются целиком в контексте российско-грузинского противостояния.

Осетинский фактор в грузинских интернет-СМИ в отношении Цхинвали более или менее включен в освещение внутривнутриполитических тем, хотя в большинстве статей политические силы, в частности власти, упоминаются в качестве «оккупационного режима». Эти внутрипартийные разногласия в большей мере связаны с внутренней борьбой за приобретение большего влияния и получение личной финансовой или политической выгоды. Эти лица видятся скорее не как независимо действующие, а [воспринимаются](#) как политики, за которыми стоят более влиятельные заинтересованные лица – как правило, из России.

Таким образом, один из основных грузинских нарративов в отношении Южной Осетии с политической точки зрения заключается в том, что там не протекают свободные, демократические и независимые от Кремля политические процессы, и смена имен сути не меняет. Например, когда в 2022 году в Южной Осетии прошли президентские выборы, в грузинских интернет-СМИ было опубликовано несколько аналитических статей, основной целью которых было ознакомление грузинских читателей с ранее менее известным кандидатом Аланом Гаглоевым. Основной нарратив во всех статьях был одинаковым: с избранием Гаглоева такие фундаментальные внешнеполитические вопросы Южной Осетии, как еще большее сближение с Россией и восприятие Грузии как экзистенциальной угрозы, не изменятся, поскольку за всем этим в конечном итоге стоит Россия. Тема референдума, с инициативой которого выступил Бибилев и которую Гаглоев посчитал несвоевременной, стала, пожалуй, единственным вопросом за последние годы, в котором грузинские СМИ и общество [подчеркнули](#) значительную разницу между кандидатами в президенты для Тбилиси. Однако в итоге оба кандидата были показаны как лояльные к России.

«Нетгазети» [писала](#), что «подобно всем политикам и кандидатам в Южной Осетии, Алан Гаглоев также видит будущее де-факто Южной Осетии с Россией, усматривая в Грузии агрессора. Поэтому даже в случае избрания Гаглоева следует ожидать неизменности внешнеполитического курса Цхинвали».

Содержание схожего типа [статьи](#) в «Радио Свобода» заключалось в том, что Гаглоев также является кадром КГБ, и «в сфере оккупации ничего не изменится». "Радио Свобода" также заинтересовалось мнением конфликтолога Зураба Бендианишвили, заявившего, что «политика Гаглоева в отношении Кремля особо не изменится, однако с его так называемым «приходом к власти» почувствует облегчение население оккупированного Ахалгори».

Как уже отмечалось, роль осетин в политической жизни Южной Осетии в грузинской медиа максимально умалчивается, однако следует отметить и то, что ведущие интернет-издания применительно ни к осетинам, ни к абхазам никогда не употребляют язык ненависти и разжигающие межнациональную рознь термины и фразы. В новостях и аналитических статьях полностью отсутствует оценка осетин в качестве «общества» или «нации».

В соответствии с нарративами грузинских интернет-СМИ, осетинское общество обычно превращается в той или иной степени «актера» во время акций протеста, направленных либо против действий местных властей, либо событий, которые, с грузинской точки зрения, можно считать неблагоприятными для России. Например, грузиноязычные интернет-СМИ активно

[освещали](#) публичные демонстрации в связи с убийством в Цхинвали Инала Джабиева, а одна из статей на эту тему называлась «[Осетины из Цхинвали выступили против «садистского режима](#)». Это один из тех случаев, когда осетинское общество было представлено в грузинских СМИ в качестве игрока, влияющего на политическую повестку дня.

«Радио Свобода» также активно [писало](#) о [недовольстве](#) в Цхинвали в связи с [отправкой](#) осетинских военных на войну с Украиной. Статьи о воюющих в Украине цхинвальских осетинах обычно публикуют «[Нетгазети](#)» и «[Самокалако Сакартвело](#)», поскольку эта тема, согласно грузинскому нарративу, воспринимается как один из вопросов, по которому в осетинском обществе могут возникнуть антироссийские настроения. Эти события также хорошо вписываются в общий грузинский нарратив о том, что главным препятствием на пути грузино-осетинской дружбы и единства является Россия.

Осетинские интернет-издания о Грузии

К сожалению, в Южной Осетии наблюдается дефицит независимой медиа, а в интернет-СМИ картину воссоздают подведомственное правительству государственное информационное агентство "[Рес](#)" и Цхинвальское [отделение](#) «Спутника». Относительно независимы Instagram (например, «[Адаем Новости](#)») и Telegram-каналы (например, [Сапа Цхинвал](#)), более популярные в осетинском обществе, нежели в грузинском, где независимые каналы Instagram и Telegram редко используются в качестве источника информации.

Если в случае грузинской медиа риторика в отношении осетинской стороны менее враждебна, и осетинский фактор, как правило, вообще игнорируется, то новостные и аналитические статьи действующих в Цхинвали информационных источников демонстрируют резко негативное отношение к Грузии. Речь постоянно идет о том, что Грузия не отказывается от своей «реваншистской политики» в отношении Южной Осетии и готовится к [войне](#), намереваясь силовым путем вернуть территории, не подписывает так называемый документ «О невозобновлении огня»; живет в «иллюзиях» относительно возвращения Абхазии и Южной Осетии и не намерена вести [прямой](#) диалог со сторонами конфликта; устраивает [провокации](#) на «границе» и целенаправленно [дестабилизирует](#) ситуацию и пр.

Также активно создается «образ врага» из Грузии, ради чего информационные издания не гнушаются даже распространением дезинформации. Например, одна из подобных крупнейших дезинформационных кампаний, в которую вместе с Россией включена и осетинские медиа, касается «Лугарской лаборатории», которую одна из аналитических [статей](#) [cominf.org](#) называет «серьезной угрозой для всего Кавказа». Как в этой, так и других статьях о «лаборатории Лугара» речь идет о том, что якобы здесь совместными усилиями Грузии и США создаются определенные виды вирусов для целенаправленного распространения во враждебных им государствах. Согласно этому нарративу, грузинские власти скрывают тот факт, что в результате «биологических экспериментов» в Грузии и за ее пределами [погибает](#) множество людей.

Одним из важных направлений в отношении Грузии, о котором активно пишут южноосетинские СМИ, является прозападный курс Тбилиси, оцениваемый медиа как угроза безопасности и

стабильности Цхинвали и региона в целом. Особую актуальность этот вопрос приобрел после получения Грузией статуса кандидата в члены Евросоюза, в связи с чем Цхинвальские СМИ [озвучивали](#) несколько основных сообщений: Грузия не изменит своего подхода к конфликтам; Евросоюзу не нужны независимые Цхинвали и Сухуми; Европейскому Союзу нужны новые члены, чтобы заполнить брешь после выхода Великобритании (имеется в виду «Брексит»), и именно поэтому продолжается процесс интеграции Грузии с Европой; Грузии еще предстоит пройти долгий путь до членства в Евросоюзе; членство в Евросоюзе не разрешит проблемы между сторонами конфликта.

В контексте прозападного курса Грузии СМИ Цхинвали особенно тревожат совместные учения НАТО и Грузии, равно как и любые другие признаки укрепления связей. СМИ расценивают подобные события как прямую угрозу Южной Осетии, обвиняя Грузию в милитаризации и подготовке к войне по «подстрекательству» Запада. Даже тогда, когда речь идет о возможном членстве в Евросоюзе, зачастую акцент делается на том, что главное влияние на Грузию на самом деле оказывает НАТО, и что Грузия, сближаясь с Западом, [наращивает](#) свой военный потенциал.

В связи с совместными учениями НАТО и Грузии осетинские СМИ постоянно пытаются принизить роль Грузии, представив ее не в качестве «партнера», а скорее страны-сателлита НАТО и Запада, которая «вынуждена» предпринимать определенные шаги [под](#) давлением со стороны США. В этом отношении нарративы осетинских СМИ непоследовательны, поскольку, с одной стороны, США принуждают Грузию к милитаризации, а с другой – именно Грузии нужно НАТО, чтобы силовым путем вернуть территории. Любого рода подобная совместная активность Грузии и НАТО не остается незамеченной цхинвальскими СМИ, воспринимая их как анти-осетинские и анти-российские действия.

Важным нарративом, развиваемым осетинскими СМИ, является [укоренение](#) в Грузии «извращенных» либеральных и западных ценностей, ассоциируемых обычно с [ЛГБТ](#)-сообществом. Основная линия нарратива состоит в том, что под давлением и воздействием Запада Грузия постепенно утрачивает свои традиционные ценности, что в конечном итоге завершится гей-парадами и однополыми браками. Согласно этим нарративам, Грузия все больше отдаляется от консервативных и семейных ценностей, а православие в стране находится под угрозой.

В связи с отношениями между Западом и Грузией в осетинских интернет-СМИ также доминирует нарратив о том, что Европа [готовится](#) к организации «Майдана» в Грузии. Этот нарратив особенно усилился на фоне войны в Украине. Согласно этому нарративу, «Запад пытался и пытается оказать давление на Тбилиси, чтобы он открыл так называемый «второй фронт» против России». Если Европе это не удастся, она попытается устроить в Грузии «государственный переворот».

Частым объектом критики и дискредитации в осетинских онлайн-СМИ является личность Михаила Саакашвили, независимо от его активности в грузинской политике. Для осетинских СМИ Саакашвили до сих пор остается одним из главных антагонистов, «персонально

ответственным за войну 2008 года»; его персона и сегодня продолжает [привлекать](#) внимание осетинских онлайн-изданий.

Важный медиа-нарратив связан с событиями, происходящими вблизи так называемой «границы», включая трагические инциденты, приводящие к убийствам и задержаниям граждан Грузии. В случае задержаний основной нарратив осетинских СМИ заключается в том, что граждане Грузии нарушают «государственную границу», что аресты [связаны](#) с отказом Грузии признать независимость Южной Осетии и провести делимитацию границ. При таких резонансных случаях, как, например, убийство Тамаза Гинтури, осетинские СМИ скорее предпочитают хранить молчание. В связи с убийством Гинтури «Спутник» распространил лишь заявление Цхинвальской службы безопасности, в котором Гинтури упоминался как сторонник и активист «Единого Национального Движения», нарушитель «границы», с использованием и других дискредитирующих эпитетов.

Заключение

Анализ медиа-нарративов показывает, что как в грузинской, так и осетинской медиа применительно друг к другу превалируют в основном отрицательные нарративы, однако отмечаются и определенные различия.

Грузинская медиа рассматривает происходящие в Цхинвали события преимущественно через призму российской оккупации, не воспринимая Южную Осетию, ее общество и политическую элиту автономными субъектами. Внимание грузинских СМИ к Южной Осетии проявляется лишь во время крайне важных событий – таких как похищения, гибель граждан или внутренние выборы.

Что касается осетинской стороны, попытка умаления Грузии наблюдается и здесь, что в основном выражается в объявлении ее «сателлитом» НАТО, США и Евросоюза. Тем не менее, с позиций Цхинвали Грузия представлена в качестве более значимого политического актора, имеющего реваншистские планы по отношению к Абхазии и Южной Осетии.

В плане трансформации конфликта и его окончательного разрешения медиа обеих сторон играют преимущественно негативную роль. Осетинские СМИ еще больше обостряют антагонизм по отношению к грузинской стороне, а грузинские медиа фактически не воспринимают осетинское общество как сторону конфликта. С обеих сторон сложно найти авторитетные СМИ, активно работающие над развитием доверия между двумя обществами. Время от времени в этом направлении публикуются отдельные статьи, однако это не имеет постоянного характера.

Разрешение или трансформация конфликта требует активной поддержки со стороны СМИ. Однако в данном отношении в ситуации грузино-осетинского конфликта сложилось довольно тяжелое положение – вместо полезного инструмента медиа, напротив, выступает в качестве одного из значительных препятствий на пути к трансформации конфликта. Одной из ключевых проблем является то, что в цхинвальском регионе медиа представлена в основном

информационными ресурсами политических групп, что исключает возможность независимой редакционной политики.

Что касается грузинских СМИ в контексте конфликтов, они, за исключением редких случаев, работают преимущественно в рамках грузино-российской перспективы, а грузино-осетинское направление зачастую полностью исчезает. Если подходы СМИ с обеих сторон не изменятся, онлайн-медиа целенаправленно или непреднамеренно будет продолжать работать в направлении еще большего обострения конфликта.

Влияние динамики войны в Украине на восприятие в Южной Осетии фактора Грузии

С началом специальной военной операции в отношениях между Южной Осетией и Грузией появилась условная брешь, в которую каждая из сторон стала осторожно заглядывать, опасаясь провокаций. На высшем политическом уровне Южная Осетия поддержала СВО, в силу того, что чиновники по традиции демонстрируют лояльность решениям Российской Федерации, хотя в целом новость о начале спецоперации была встречена с тревогой, что объяснимо, учитывая историю перманентных боевых действий на территории Южной Осетии с 1989 по 2008 год.

Стоит отметить, что подавляющая часть населения с пониманием отнеслась к СВО, учитывая информационно-пропагандистскую кампанию в российских медиа однако, при этом была против участия в ней осетинских военнослужащих, что обусловлено стремлением сохранить генофонд нации.

Более того, в определенный момент существовала большая вероятность нового витка войны с Грузией в связи с давлением западных стран и грузинской оппозиции по открытию т.н. «второго фронта» на югоосетинском направлении. Одним из аргументов грузинской оппозиции была победа Азербайджана в Карабахе, в результате которой Нагорно-Карабахская Республика перестала существовать, что было официально признано Арменией. В этой связи, даже присутствие российской четвертой военной базы, которая призвана обеспечивать безопасность Южной Осетии, никак не влияла на уровень беспокойства населения Республики.

Корни солидарности Грузии с Украиной восходят к 2008 году, когда Киев поддержал Михаила Саакашвили в его противостоянии с Россией не только морально, но и в военном плане. Поэтому Владимир Зеленский имел все основания ждать ответной «услуги» от официального Тбилиси, однако нынешние грузинские власти достаточно четко представляют, к каким последствиям может привести новый военный конфликт с Россией. Помимо всего прочего, открытая поддержка Запада со стороны Грузии заставит РФ повысить ставки в вопросах признания Южной Осетии и Абхазии. В конечном счете, Грузия не только не открыла «второй фронт», но даже воздержалась от антироссийских санкций, что, в свою очередь, позволило двум странам, Грузии и России, открыть авиасообщение и увеличить грузопоток.

Подобные действия дали основание для обвинений со стороны Евросоюза в пророссийской политике грузинских властей, которые, однако, четко аргументировали свои действия и заверили в своей прозападной позиции.

На сегодняшний день странам Запада абсолютно понятно, что действующая власть в Грузии не собирается вступать в конфронтацию с РФ и через поддержку оппозиционных сил постараются изменить ситуацию, добившись определенного успеха на парламентских выборах.

Помимо этого, Грузии был предоставлен статус кандидата на вступление в ЕС, что влечет за собой непременно выполнение некоторых обязательств – в первую очередь присоединение к антироссийским санкциям.

Подобное развитие событий нарушит выбранный Грузией баланс, включающий в себя возможность европейской интеграции в сочетании с добрососедскими отношениями с Россией.

Понятно, что в свою очередь РФ имеет свой инструмент воздействия – возможный референдум о включении Южной Осетии в состав России, который ранее в своих интересах педалировался президентом Бибилковым. И в этой связи стоит отметить, что в сегодняшнем грузинском истеблишменте есть довольно многочисленная прослойка политиков, которые убеждены, что вопрос территориальной целостности Грузии можно решить только с помощью России, и такие перспективы, с их точки зрения, вполне реальны.

Ситуация на российско-украинском фронте боевых действий отслеживается многими заинтересованными сторонами, значительная часть которых в зависимости от ее результатов будет выстраивать свою внешнюю политику как с Россией, так и с западным альянсом. Это в полной мере касается и Грузии. Парадоксально, но военные успехи РФ позволят грузинскому правительству укрепить свое положение в глазах электората перед парламентскими выборами, продемонстрировав правильно выбранную стратегию по выстраиванию отношений с Россией. В то же время, поражение российских сил может привести к правительственному кризису и приходу во власть радикальной оппозиции со всеми вытекающими отсюда последствиями, в виде антироссийских санкций, открытия «второго фронта», и т.д.

В связи с вышеизложенным, вопрос безопасности снова становится актуальным для населения Южной Осетии. При этом, решение данной проблемы для различных слоев населения, в том числе, и по возрастному критерию, видится по-разному. Для одних, в основном лиц старшего поколения – вхождение Южной Осетии в состав РФ, для других, по большей части молодежи – укрепление своей государственности, особенно после случившихся изменений в региональной геополитике, связанных поглощением Азербайджаном Нагорного Карабаха, в связи с чем, Южная Осетия должна продолжать выполнять задачи по развитию экономики и обороноспособности. Договоров и российского военного присутствия, по их мнению, недостаточно для гарантий безопасности. Надо постараться состояться как государство, стать максимально самодостаточными, что подразумевает большую независимость от кого бы то ни было, что к тому же, является единственным способом сохранить свою культуру и национальную идентичность.

На сегодняшний день и первый, и второй варианты, так или иначе, связаны с Российской Федерацией, которая, в случае значительного потепления отношений с Грузией может предложить наладить прямой диалог официальных Цхинвала и Тбилиси. Однако, на сегодняшний день обе стороны не готовы к этому. В Цхинвале сейчас сложно представить политиков, способных выйти с инициативой прямого диалога с Грузией, без оглядки на Москву. В отличие от них, осетинская молодежь поднимает вопросы о прошлых взаимоотношениях с

Грузией и будущих перспективах через призму необходимости определения национальной идеи, развития национального самосознания.

В настоящее время единственным обусловленным фактором относительного сближения грузин и осетин стал так называемый гражданский диалог по восстановлению доверия, который гораздо лучше других форматов обнаруживает «трудности перевода» между осетинами и грузинами.

В частности, фактор России воспринимается по-разному у обеих сторон. Часто грузинские участники встреч пытаются отделить данную составляющую из жизни осетин, попросту не учитывая его роль для Южной Осетии. С другой стороны, война между Грузией и Южной Осетией в 1991, 1992 и 2008 годов преподносится грузинской стороной как история, которую надо забыть и все начать с чистого листа, что категорически не воспринимается осетинскими участниками, которые считают, что добрососедские отношения должны начинаться как минимум с официального признания своей вины.

Несмотря ни на что такое «недопонимание» имело все шансы перейти из активной дискуссии среди участников гражданского диалога к стимулированию политических инициатив официальных сторон грузино-югоосетинского конфликта. Однако, после принятия в России, а затем и в Южной Осетии Закона об иноагентах, в Цхинвале прекращена работа каких-либо НПО, и, следовательно, сведены к минимуму все контакты в грузино-осетинском диалоге...

В условиях слаборазвитого гражданского общества в Южной Осетии, регулируемые только государством вопросы внутренней югоосетинской проблематики, остались вне поля зрения общественности. Социальное неравенство, нецелевое распределение жилья в процессе восстановления, косвенная дискриминация прав человека, в том числе, связанная с препятствиями в свободе передвижений.

Изоляция Южной Осетии является причиной, которая мешает развитию экономических связей с иностранными государствами для привлечения инвестиций. Усиленный контроль над въездом и выездом, отнимает желание у иностранных туристов ездить в ЮО. Напротив растет беспокойство жителей относительно безопасности республики. Большая часть жителей стараются приобрести жилье в соседней Северной Осетии, пытаясь обеспечить себе «тыл» в случае необходимости. В конечном счете, многие там так и остаются.

По мнению экспертов, потепление отношений Москвы и Тбилиси воспринимается в Южной Осетии с большой настороженностью, и может привести к увеличению численности той части населения Республики, которая за вхождение в состав России.

Влияние нынешней войны в Украине на грузино-осетинские взаимоотношения

Введение

24 февраля 2022 года под предлогом защиты русскоязычного населения сепаратистских регионов Донбасса и Луганска и искоренения так называемого «украинского фашизма» Российская Федерация начала так называемую «специальную военную операцию» против Украины, сразу же принявшую форму полномасштабной конвенциональной войны. Война с меняющейся динамикой непрерывно продолжается уже третий год, внося изменения в геополитическую среду. Изменения особенно резко отразились на странах так называемой «сферы влияния» России, включая Грузию и де-факто республики, находящейся под фактическим контролем России. В частности, изменения отразились и на отношении противоборствующих сторон к грузино-осетинскому конфликту. После двух лет войны интересно оценить, как изменилось отношение грузинского и осетинского обществ к конфликту и взаимное восприятие сторон.

Данной цели и служит предлагаемая работа – в ней описываются сложившиеся в грузинском и осетинском обществах мнения касательно конфликта и анализируются изменения на фоне российско-украинской войны. Значимость данной работы предопределена тем, что она основана на анализе новейших событий и тенденций, однако ее полезность ограничена одной преградой: информация по всем аспектам общественной жизни в Южной Осетии крайне скудна по причинам отсутствия масштабных социологических исследований или недоступности объективной информации. В Грузии ситуация в этом плане относительно лучше, хотя в информационном пространстве все-таки чувствуется недостаток глубоких социологических исследований.

Настрой осетинского общества и правящей элиты вслед за ходом войны

Если в демократическом обществе внутренний и внешнеполитический курс государства предопределяются мнением его граждан, то в условиях подобных Южной Осетии недемократических политических систем ситуация иная – зачастую предпочтения граждан являются отражением политических предпочтений. Поскольку власти практически полностью контролируют все доступные населению источники информации, они легко могут воздействовать и на формирование общественного мнения. Именно поэтому при изучении настроений югоосетинского общества необходимо, прежде всего, рассмотреть нарратив правящей элиты. В данном случае этот нарратив во многом зависит от влияния, оказывающего российско-украинской войной на де-факто республику.

Влияние войны на экономическое положение Южной Осетии

В условиях фактического отсутствия собственной экономики Южной Осетия практически полностью зависит от России. К 2024 году бюджет де-факто республики составит 8.836 миллиардов рублей, из которых 7.035 миллиардов будут профинансированы Россией. В целях поддержки развития Южной Осетии Россия финансирует ее в рамках «Инвестиционной программы содействия социально-экономическому развитию». Целью программы является улучшение инфраструктуры, реализация инвестиционных проектов в реальном секторе экономики, формирование соответствующего климата для привлечения иностранных инвестиций и создания рабочих мест. Однако здесь же следует отметить, что программа не может обеспечить устойчивое развитие де-факто республики, поскольку динамика зависимости Южной Осетии от предусмотренного программой финансирования является возрастающей, и сегодня де-факто республика практически полностью зависит от Российской Федерации. Данная программа задействована с 2015 года в формате трехлетнего финансирования. По программе на 2020-2022 гг. де-факто республике было выделено 4.5 млрд. рублей (что на тот момент составляло 72 млн. долларов США). В 2023-2025 годах в рамках программы Россия **выделила** де-факто республике 3.587 миллиардов рублей (по состоянию на март 2023 года примерно 52 миллиона долларов США). На фоне девальвации российского рубля данная сумма по состоянию на февраль 2024 года составила примерно 39 миллионов долларов США. А это означает, что после начала войны финансирование де-факто республики сократилось практически вдвое.

Влияние войны на безопасность Южной Осетии

Российско-украинская война затронула де-факто республику и в контексте безопасности. Часть направленных в Украину бойцов из числа этнических осетин являются военнослужащими-контрактниками 4-ой военной базы Южного военного округа России, расположенного в Южной Осетии, а часть – добровольцами. Следует отметить, что 4-я военная база находится в непосредственном подчинении Министерства обороны Российской Федерации, и вопрос участия в войне не решается властями де-факто республики. Невзирая на то, что участие Южной Осетии в военной агрессии России против Украины носит скорее символический характер, оно все же наносит ущерб де-факто республике: по данным открытых источников, погибло более 40 бойцов из Южной Осетии, еще больше числится пропавшими без вести.

Война оставила свой след и военных, вернувшихся живыми в родные края. О критическом состоянии их психического здоровья стали задумываться после двух громких **инцидентов** в Южной Осетии. Один вернувшийся с войны боец напал на оппозиционных политиков, открыв огонь во время обеда в кафе, а другой убил всеми любимого Цугри – своего рода символа городского колорита.

На фоне переборски значительной части военной силы в Украину сократились военные учения Южного военного округа. До войны интенсивно проводились совместные учения с участием военнослужащих из Южной Осетии, Северной Осетии и Российской Федерации. За два года после начала войны частота таких учений уменьшилась. Формат подготовки оставшихся в

Цхинвале военных, особенно во второй половине 2023 года, ограничивался относительно легкими мероприятиями.

Настрой общества

Затянувшаяся война усилила чувство незащищенности среди населения Южной Осетии. Чувство незащищенности вызвано, с одной стороны, недостатком ресурсов для обеспечения безопасности де-факто республики, а с другой, по их мнению, – «реваншистскими планами» Тбилиси.

Население Южной Осетии не приветствовало призыв на войну проживающих в цхинвальском регионе этнических осетин и переброску военнослужащих 4-ой военной базы России на Украинский фронт. Однако общественные настроения выразились лишь в форме заявлений оппозиционных политиков. [«Пушечное мясо»](#) – так именуются в Цхинвали сражающиеся на линии фронта осетинские бойцы; активизировались разговоры об [«угрозе уничтожения генофонда»](#).

Несмотря на недовольство последствиями войны, для Цхинвали позиция «образа врага» по-прежнему остается за Тбилиси. В ходе войны в осетинском обществе усилилось недоверие к грузинской стороне. В Цхинвали ожидают «реванш», предполагая, что Тбилиси применит силу при первой же возможности. В определенной мере это является результатом успешно действующей на протяжении лет антигрузинской пропаганды и российской дезинформации, хотя на формирование подобного отношения влияют и неосторожные высказывания грузинских политиков, и импульсивные выкрики, периодически раздающиеся на массовых акциях. Однако следует отметить, что это не отражает официальную позицию центральных властей Грузии и настроения большинства грузинского общества.

Безопасность настолько важна для населения Южной Осетии, что ради ее обеспечения они согласны даже на интеграцию с Россией.

Настроения молодого поколения мало чем отличаются от настроения старшего поколения. В школе и университете изучают «с особым вниманием воссозданную» историю грузино-осетинского конфликта, в которой понятие «грузин» приравнено к понятию «агрессор». Однако в этом плане имеются и определенные региональные различия. Если цхинвальская молодежь придерживается радикального антигрузинского настроения, то антигрузинский настрой среди молодежи Ахалгори и Джава относительно слабее.

Позиции правящей элиты

Поддержка войны со стороны де-факто властей была очевидна на всех этапах ее развития, поскольку, с одной стороны, Южная Осетия в долгу перед Россией и теперь «пришло время его возвращения»; с другой стороны, было ясно, что за завершением войны победой России последует, в свою очередь, укрепление Южной Осетии. Одно дело, какие ожидания и представления существовали в Цхинвали, но совсем другой вопрос, свидетелями какой реальности мы стали за два года войны. Фактом является то, что война ухудшила в де-факто

республике как экономическую ситуацию, так и положение с точки зрения безопасности. Власти превосходно понимают, что на фоне и без того сложной социально-экономической ситуации и множества внутренних институциональных проблем сокращение бюджета вдвое напрямую отразится на качестве жизни населения Южной Осетии. Ухудшение ситуации еще больше усилит недовольство населения, что отнюдь не устраивает правящие круги, заинтересованные в удержании власти в течение длительного времени.

В 2022 и 2023 годах грузинская и осетинская стороны договорились по двум важным вопросам. По решению Совета Безопасности де-факто республики от 18 августа 2022 года частично возобновлена работа закрытых в течение долгого времени контрольно-пропускных пунктов (КПП). С тех пор 20-30 числа каждого месяца гражданам разрешено пользоваться КПП Одзиси-Мосабруни (Раздахан) и Переви-Кардзман. Важным событием 2023 года стало открытие Зонкарского водохранилища и полномасштабное задействование Тирифонского канала. В результате соглашения жители сел, расположенных по обе стороны разделительной линии, с сентября прошлого года бесперебойно снабжаются оросительной водой. Решение проблемы воды позволяет местным жителям выращивать как однолетние, так и многолетние культуры. Гарантия бесперебойной и регулярной подачи оросительной воды для жителей прилежащих к разделительной линии сел означает новые возможности в направлении торговли и бизнеса.

Формирование настроения грузинского общества и властей вслед за ходом войны

Настрой общества

Война оказала сильное влияние на грузинское общество. Для части населения российско-украинская война как бы обновила раны 2008 года, послужив еще одним аргументом необходимости отказа от разрешения конфликтов подобным путем. Вооруженный конфликт вместе со всеми сопутствующими ему событиями для общества является лишь бременем. Этот настрой особенно силен среди слоев общества, непосредственно, а потому и болезненнее переживших жестокие последствия войны – проживающих в поселках вынужденных переселенцев вынужденно перемещенных из Южной Осетии лиц; семей, живущих вблизи разделительной линии, имеющих в прошлом длительный опыт добрососедского сосуществования с этническими осетинами из Южной Осетии (причем эта эмоциональная связь все еще сильна); молодых людей, анализирующих разгоревшуюся среди предыдущих поколений вражду с позиций холодного разума. Основная часть грузинского общества превосходно понимает, что дело не в территории, а в межличностных отношениях, и достижение территориального контроля без примирения обществ лишено какой-либо цены.

В другой части общества война активизировала реваншистские настроения. Представители этой группы выступают за «возвращение утраченного в войне военным путем». Хотя им и удалось ввести в заблуждение осетинское и абхазское общества, данная группа настолько малочисленна, что ее взгляды никак не могут повлиять на общий настрой общества.

Военное участие Южной Осетии в российско-украинской войне и идеологическая поддержка граждан Южной Осетии не изменили отношения к ним граждан Грузии, проживающих на контролируемой центральными властями Грузии территории. Трудно сказать, что думает об этом каждый отдельный гражданин – по причине отсутствия социологических исследований соответствующего масштаба, однако наблюдение над общим настроем общества, отражающегося в личных беседах, в проведенных опросах со специфическими фокус-группами, в выраженных в онлайн-пространстве мнениях, показывает, что в Грузии менее негативно относятся к югоосетинскому обществу. Позитивные настроения преобладают в сегменте общества, имевшего с осетинами добрососедские отношения. Речь идет о людях, живущих в разных частях Грузии, которые были соседями осетин до массового переселения осетин в 1990-е годы, а также тех, кто проживает в расположенных вблизи Южной Осетии муниципалитетах и имеет опыт интенсивного передвижения, торгового или предпринимательского сотрудничества, смешанных семей; это люди, имеющие тесную эмоциональную связь с осетинами. К ним можно добавить и тех этнических грузин, которые в конце 1990-х - начале 2000-х годов вели совместный бизнес с этническими осетинами в рамках Эргнетского рынка.

При этом следует отметить, что старшее поколение грузинского общества твердо убеждено, что грузинская сторона понесла относительно больший ущерб, нежели осетинская – как в результате конфликта, с одной стороны, так и исхода самой войны – с другой.

В отличие от сегмента старшего поколения, молодежь настроена более нейтрально. Основной причиной этого они называют незнание событий прошлого, высказывая сожаления по этому поводу и желание понять историю, однако говорится и о необходимости обоюдного компромисса. Данная часть общества более объективно рассматривает конфликт и с большей эмпатией относится к осетинской стороне.

Позиция властей

Объединение страны является высшим национальным приоритетом Грузии. Решение этой задачи исключительно мирным путем является тем редким исключением, по которому власти Грузии и большинство оппозиции имеют согласованную позицию. Российско-украинская война лишь усилила мирную риторику правительственных кругов и, следовательно, укрепила официальную позицию государства относительно поиска компромисса с Южной Осетией только мирным путем. Как уже говорилось выше, угроза открытия Грузией так называемого «второго фронта» вызвала особую обеспокоенность южноосетинского общества. Соответственно, усиление мирной риторики со стороны грузинских официальных лиц в большей степени было направлено на развеивание этих опасений. Открытие Грузией так называемого «второго фронта» будет, мягко говоря, не так уж легко. Подписав в 2014 году Соглашение об ассоциации с Евросоюзом, Грузия оформила отдельные соглашения о неприемлемости военного решения конфликтов с каждым из 27 государств-членов Евросоюза. Военная агрессия со стороны Грузии означает нарушение всех этих соглашений и, следовательно, исключение или, в лучшем случае, длительную отсрочку заявленного стремления к процессу европейской интеграции.

Неизменной остается и восприятие сторон конфликта центральными властями Грузии. Россия по-прежнему находится по другую сторону конфликта, что означает, что подходы к конфликту официальными кругами страны не были пересмотрены. Восприятие конфликта по-прежнему почти не нисходит до грузино-осетинского уровня, и его рассмотрение ограничивается лишь грузино-российским измерением.

Послесловие

Похоже, что российско-украинская война и возникшая из-за этого неопределенность относительно дальнейших перспектив российского фактора будет продолжать оказывать негативное влияние на грузино-осетинские отношения. В такой ситуации усилия грузинского и осетинского обществ по трансформации конфликта остаются единственной прагматичной целью.